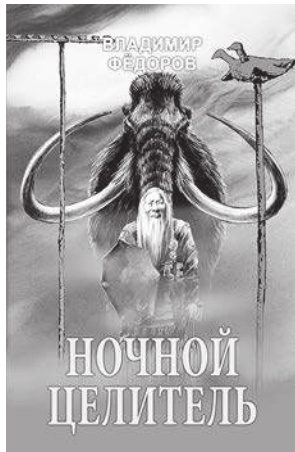

Не бывает ничего случайного на этом свете. Случайные встречи, неожиданные находки или прозрения — всё это промысел Божий. И нам, смертным, не пропустить бы эти небесные знаки, откликнуться на них и сделать для себя какие-то выводы, которые иной раз могут открыть новые направления в судьбе. И название «Ночной целитель» — книги повестей и рассказов сибирского писателя Владимира Фёдорова — тоже, наверное, не случайно, так как, читая её, ощущаешь очищающее и примиряющее воздействие текстов как целительных молитв. И ещё возникает радость от сознания того, что наша покорёженная смутным безвременьем перестройки литература исцеляется такими хранителями чистой русской речи и народного духа, с одной стороны, сохраняя и продолжая традиции и достоинство нашей литературы, с другой стороны, явно двигаясь вместе со стремительным временем вперёд. Сколько раз уже Сибирь не только сохраняла, но и освежала русскую литературу. Начиная с Ершова с его «коньком-горбунком», Шишкова с «Угрюм-рекой», Павла Бажова с его сказами, а в советское время — с продолжателями традиций: Валентином Распутиным, Александром Вампиловым, Анатолием Ивановым, Василием Фёдоровым, Василием Шукшиным, Виктором Астафьевым, которыми созданы целые миры, населённые работающими сибиряками, любящими

и сохраняющими свой суровый родной край, ощущающими себя неотъемлемой частью всей огромной России. Вряд ли случайно, что именно сибиряки вливают свежую кровь в отечественную литературу. Я полагаю, что частично секрет успеха их творчества в том, что Сибирь — не только кладовая природных ископаемых, залежей руды и самоцветов, нефти и газа, не только бескрайние просторы тайги, обильные пушным зверем, но и хранительница традиций, культуры и чистого языка (не без влияния минувших эпох, конечно) в среде потомков старообрядцев, предки которых во времена раскола русской православной церкви в большом количестве пришли сюда из центральной России. До сих пор всевозможные фольклорные экспедиции по собиранию старинных песнопений и сказов организуются с маршрутами по Сибири, по её духовным кладовым и неиссякающим народным родникам творчества.

Казалось бы, ну кому ныне будут интересны воспоминания мальчика из деревни, затерявшейся где-то в бескрайней сибирской глухомани? Но — о, чудо! — с первых же страниц поселяешься и живёшь уже душой там. И, что удивительно, чувствуешь себя свободно, комфортно, по-свойски в незнакомом и таком далёком месте. В чём секрет? Да, у многих читателей детство так или иначе связано с деревенскими впечатлениями.

Казалось бы, ну кому ныне будут интересны воспоминания мальчика из деревни, затерявшейся где-то в бескрайней сибирской глухомани? Но — о, чудо! — с первых же страниц поселяешься и живёшь уже душой там. И, что удивительно, чувствуешь себя свободно, комфортно, по-свойски в незнакомом и таком далёком месте. В чём секрет? Да, у многих читателей детство так или иначе связано с деревенскими впечатлениями.

Но вот один мой друг, выросший в военной семье, прошедший детство по различным гарнизонам, с не меньшим упоением и опять-таки узнаванием каких-то своих далёких чувств читает эти волшебные рассказы Владимира Фёдорова. Значит, надо отдать должное мастерству писателя, умеющего нас погрузить в свой мир, вызвать соучастие и сопричастность к описываемому бытию. Ведь, например, об Оливере Твисте читая, мы тоже испытываем и родственные чувства, и сопереживание, хотя действие происходит в другой стране и в другую эпоху. С прозой Фёдорова всё ощущается, конечно, намного сильнее и проникновеннее. Автору, описывающему в целом незнакомый нам край, условия жизни и повседневное поведение людей, удалось показать наиболее общие нравственные черты жителей нашей огромной страны, независимо от того, на каком краю света они живут и каким делом занимаются. Вот почему герои рассказов становятся нам сразу знакомы и близки. Попутно мы познаём, насколько же непроста — на грани выживания — жизнь в районах полярного круга, где дети даже яблоки, привычные в наших краях, считают редким угощением, не говоря уже о каких-либо экзотических южных плодах. Удивляет, как мальчишки запросто могут соорудить и поставить силки или капканы, владеют стрельбой из ружья, выручая охотничьей добычей и свои семьи, и соседей в трудные дни, когда рядом нет взрослых. Показана в тех суровых условиях естественность взаимовыручки и заботы об одиноких стариках или убогих, общинность, готовность поддержать семьи, оставшиеся по той или иной причине без кормильца. Особо подчёркнуто умение жить в коллективе, бережное отношение к человеческой чести, потеря которой практически делает индивидуума духовным изгоем. Описываются маленькие радости таёжного бытия, тяжкий, но необходимый и естественный труд для прокорма семьи и для благополучия страны. И при всём при этом у читателя складывается устойчивое впечатление, что герои рассказов живут счастливо и достойно, в необходимом достатке, без грабительского отношения к природе, и себя считая частью её. Невольно рождается ностальгия по тому времени, по тому государству порушенному, в котором люди жили, хоть и небогато, но достойно и по-братски. В ту эпоху не могло быть выражения, какое бытует нынче: «Это — ваши проблемы». Беда соседа становилось проблемой всего села, и она решалась общими силами. Вот, на самом деле, то самое дорогое, что мы потеряли.

Поскольку действие происходит в Якутии, где проживают разные народы, видно, как происходит взаимопризнание культуры быта, взаимопомощь и простая человеческая дружба. В области сознания живут одновременно и христианские заветы, и устои язычества, аккумулирующие в себе нормы человеческих взаимоотношений и сбережение природы, как живого существа. И порой уже в сознании людей не разграничиваются обстоятельства и персонажи реальные или мифические, — они все — суть от жизни, от природы. Поражает, насколько мастерски, буквально несколькими мазками автор живописует облик окружающей среды, природы. Портреты людей, например, он очерчивает кратко, но одновременно точно и всеобъемлюще: ни рост, ни одежду, ни черты лица не перечисляет, а лишь с музыкальной точностью передаёт речь описываемого героя, его интонации, его национальный акцент, местный колорит. При этом в сознании читателя вырисовывается абсолютно живой, с множеством неописанных деталей человек. Как это получается — загадка. Видимо, писатель, зная секрет генетического кода языка, непосредственно воссоздаёт облик человека по сконцентрированной в его речи, как в зёрнышке, информации о внешних чертах и характере. Так под магическую мелодию дудочки факира на арене цирка на глазах изумлённой публики из маленького росточка вырастает целое дерево.

Есть среди рассказов сборника исторические экскурсы, которые тоже поражают подлинностью художественного изображения. Погружение в эпоху осуществляют не

только картины и даты событий, но и речь того пласта: словарный состав, манера диалогов и специфические выражения, характерные именно для этого времени и места. А ведь места-то описываются каторжанские и — в последствии — спецпоселенческие. Какие духи демонов бунтарства и протеста носились над этими местами! И какие духи добра и милосердия примиряли их с бытием и давали покой, а порой и второе рождение! Немало в повествованиях присутствует и элементов фантастики, в том числе научной — с соответствующей терминологией и обстановкой. Практически автор легко и непринуждённо, как в машине времени, перемещает читателя в любую точку исторической шкалы времени, причём очень достоверно и убедительно. Так, с помощью новейших космических технологий герой одного из рассказов достигает дальних звёздных миров, куда душа человека, покидая этот свет, попадает на сороковой день... И в то же время веришь увлекательным рассказам Мюнхгаузена о его неизвестных ранее приключениях в Якутии, куда его, ничтоже сумняшеся, помещает Владимир Фёдоров, используя приём телепортации героя в другую эпоху и обстановку. И через восприятие бессмертного барона начинаешь ещё больше уважать труд людей в суровых сибирских условиях, веришь в искренность открывателей Северного морского пути по наказу царя Петра Первого, веришь в их самопожертвование во имя Отечества. Насколько мне известно, даже учёные, сначала относящиеся скептически к некоторым изысканиям Фёдорова в области истории, после дополнительных исследований и знакомства с архивными материалами подтвердили удивительную точность его предположений. С другой стороны открывается, казалось бы, негероическая жизнь артистов в арктической обстановке, требующая постоянного напряжения и примирения с колымской действительностью. Вряд ли жители размеренной Европы или изнеженных южных стран способны жить в таких условиях. У читателя рождается законная гордость за соотечественников, за свою страну. Так, наверное, и рождается потихоньку тёплое чувство патриотизма. Обо всех героях, со всеми их заковыками и чудачествами автор пишет с доброй улыбкой и любовью. Это ведь наши люди, какие ни есть!

Когда читаешь прозу Фёдорова, то просто живёшь в ней, не задумываясь, каким образом автор совершает своё волшебное преобразование, если не в участников событий, то, во всяком случае, в лиц, ощущающих живое дыхание персонажей. Действие рассказов совершается, сотворяется непосредственно во время чтения. Странно — ведь не вёл же деревенский мальчик дневников для будущих произведений. Значит, автор, умея вызвать и передать чувства ребёнка, его радости детским языком, создаёт художественными средствами новую реальность по своим детским воспоминаниям. А высочайшей образностью он обязан поэзии. Стихи Владимира Фёдорова, с которыми я тоже знаком, очень певучи, в строках уже слышна мелодия. Это умение ощущается и в прозе. Картины природы описываются в раздольном ритме, а какие-то жаркие события — уже в другой, учащённой ритмике. Единство формы и содержания — непереносимое условие настоящего искусства — помогает ему образно живописать обстановку, природу и людей. У него каждое слово лучится, благодаря внутреннему ритму произведения, а не является просто статистом в многоплановом произведении.

А ещё возникает тайная мысль: «А не шаманит ли русский писатель, родившийся и выросший в таёжных условиях?» Может, неучтённые небесные силы помогают ему оживлять образы пережитых дней и окружающих его людей? Может быть, я недалёк от прозрения — одна из книг его стихов называется «Небесные тетради». Как настоящий патриот, Фёдоров глубоко изучает историю своих предков и своей земли. Так, от него узнаёшь, что якуты, в среде которых он живёт, пришли когда-то в северные земли из Средней Азии и принесли с собой культуру коневодства и скотоводства, вывели в сибирских условиях специальные породы низкорослых выносливых лошадей и коров.

Этот тюркоязычный народ, исповедуя религию огнепоклонников «Тенгрианство» (Тенгри — Бог Солнца, теньга, деньга — монета — маленький образ солнца), затем освоил и присвоил шаманизм, создал свою религию и изустный эпос с очень сложной иерархией Богов и уровней различных миров. Именно к ним обращаются шаманы во время своих камланий, входя в состояние транса, чтобы получить информацию либо о каких-то событиях, либо о способе исцеления того или иного больного.

Не таким ли же методом пользуется Владимир Фёдоров, чтобы черпать художественную информацию с различных уровней о мироздании и о душах персонажей своих произведений? Есть, есть загадка в творческих силах писателя, если учесть, что он является и автором ряда пьес, которые ставятся на сцене, и кинодраматургом, по сценарию которого снимается фильм, и главным редактором «Общеписательской Литературной газеты», а когда-то был самым молодым в СССР главным редактором толстого литературного журнала «Полярная звезда». На Родине благодарные земляки срубили творцу книг о них домик для творчества на берегу Лены, эдакое маленькое индивидуальное «Переделкино». Это ли не народное признание!

В ноябре-декабре минувшего года наша страна традиционно отметила очередную годовщину битвы под Москвой. На южных рубежах столицы танки немецкой армии Гудериана стояли у самой Каширы. Прорыв обороны на этом участке мог открыть врагу дорогу на Москву. Отогнала фашистов от Каширы и погнала их дальше конная армия генерала Белова, костяком которой были якутские конноармейцы. Какая небесная сила помогла им и посеяла страх в рядах железной танковой армии Гудериана? Какие шаманы молились о победе наших войск? Кстати, это был самый первый эпизод войны под Москвой, когда фашистскую армаду поворотили вспять. Знать, не простая духовная сила у сибиряков, которые и в суровых природных условиях, и в тяжёлых жизненных обстоятельствах, не считая это героизмом, преодолевают трудности бытия. Да и в творчестве своём художественном куда как горазды!

Хайдар БЕДРЕТДИНОВ